29 мая 2013 г. 16+
http://onlineon.ru/2013-05-23/article/8317/

Легкая сумасшедшинка старинного романса

Инна Игнаткова

В числе гостей фестиваля «Красная гора — 2013» 12-15 мая Оренбург посетил известный искусствовед, литературовед, поэт и писатель Станислав АЙДИНЯН. С 1984-го по 1993 год он был литературным редактором и секретарем Анастасии Цветаевой, а ныне — главный редактор одесского журнала «Южное сияние»

Станислав Айдинян: «Слушаю только старинные романсы и только в довоенном исполнении»
фото Инны Игнатковой

— Станислав Артурович, как вам удается выпускать журнал в Одессе, живя в Москве?

— Очень просто. Любые творческие вопросы обсуждаются по «Скайпу» лучше, чем на редколлегии. А выпускающий редактор «Южного сияния», **Сергей Гловацкий** — очень талантливый молодой человек. Ему удалось объединить людей самых разных возрастов: от девятнадцати до ста. Издается журнал на средства Одесского горсовета. Конечно, это вызывает гнев писателей, пишущих на украинском языке, а Одесса, хоть и крупный город, но все же не столица Украины и всегда говорила и говорит на русском языке.

«Южное сияние» — мое детище. Это элитарный журнал. В поэтическом смысле он придерживается постмодернистского направления, хотя стиль у авторов разный. Вещи третьего ряда, не очень талантливые мы не публикуем. В отличие от журналов, которым можно заплатить деньги — и тебя там опубликуют, даже если к литературе ты имеешь весьма сомнительное отношение. Авторы, не проживающие в Одессе, редко попадают на страницы нашего журнала. Правда, иногда мы публикуем авторов из Парижа, Америки, Москвы. Кстати, я подарил Оренбургской областной библиотеке имени Крупской полный комплект номеров «Южного сияния», и желающие теперь могут придти в читальный зал, полистать его.

— Что еще вы привезли в подарок Оренбургу?

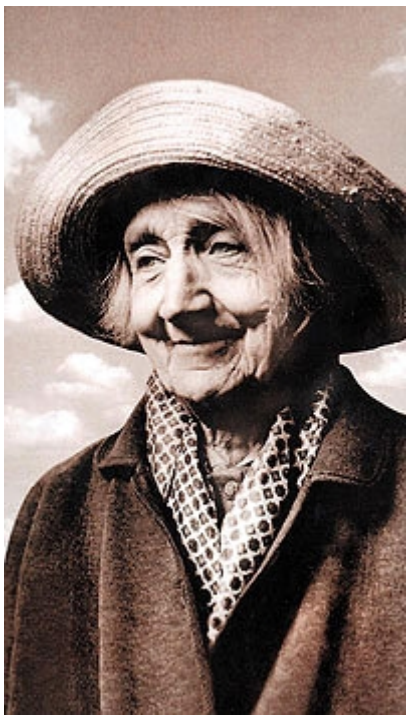
— Прежде всего, двухтомник **Анастасии Цветаевой** — несокращенную версию. Два тома по 800 страниц с моими комментариями, предисловием и вступительной статьей. А также свою версию «Фауста», журнал «Грани» с моим переводом в стихах трех песен из «Божественной комедии» **Данте Алигьери**. И мою раннюю книгу новелл, медитаций и рассказов «Атлантический перстень» с очень необычным предисловием Анастасии Цветаевой — она написала его в 1989 году, когда я пришел поздравить ее с 8-м Марта.

— Расскажите, как вы познакомились с Анастасией Ивановной?

— Это было в 1984 году. Я занимался судьбой писателя, который был популярен в то время среди старшего поколения интеллигенции — **Анатолия Корнелиевича Виноградова**. Тогда все читали его книги «Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Стендаль и его время», «Черный консул». Когда Анастасии Ивановне было четырнадцать, а ему двадцать, он за ней приударил. А Марина Цветаева написала тогда из благородных побуждений весьма лживый очерк «Жених». Впоследствии Анатолий Виноградов стал директором Ленинской библиотеки, и когда Анастасия Цветаева пришла устраиваться на службу, он дал ей понять, что ему нужны не юбки, а брюки. Несмотря на то, что она блестяще знала языки — немецкий, французский, начинала изучать английский, — он ее не принял, да и не мог. Но она-то этого не знала! Ведь только что были нападки на него за то, что дворян пригревает. А тут приходит к нему дочка статского советника! Тогда это считалось ужасающим поступком.

— Каким она была человеком? Легко ли было с ней ладить?

— Очень легко. Хотя характер у нее был ершистый. Она была веселым человеком, хотя и нестандартным. Ее добро было с кулаками. Имела железную волю, закаленную сталинскими лагерями. Отсидела 22 года — только за то, что ее религиозные взгляды не совпадали со взглядами коммунистов. Предки ее были священниками. В юности, правда, был у нее период отречения, когда она написала богоборческую книгу, где заявила: «Я пыталась в башку вместить бога, он туда не помещался — и я объявила его несуществующим». Это не было опубликовано, я об этом знаю по ее рассказам.



У Анастасии Цветаевой была железная воля, закаленная 22 годами сталинских лагерей
b.boti.ru
Она дожила до 99 лет. Возможно, потому что была вегетарианкой. Однажды... Тогда не было компьютеров, и можно было сделать на печатной машинке через хорошую копирку всего несколько копий. Как-то я обработал пять экземпляров, пока она прилегла отдохнуть в соседней комнате. Вдруг она бежит на кухню и с легкостью перепрыгивает через эту гору бумаг. А потом оборачивается ко мне и говорит: «Станислав, а я люблю легкую сумасшедшинку!» Ей тогда было уже за девяносто.

Ну и еще надо сказать, что она не была современным человеком — она была человеком из XIX века. Обращалась на «вы» к кошкам и маленьким детям — до тех пор, как они начинали ходить в сад. А как только ребенок шел в сад и начинал говорить другому ребенку «я дам тебе в мойду!», она уже обращалась к нему на «ты» — как к советскому человеку. Это наглядный пример того, как она относилась к советским людям. Любила кормить голубей и очень часто посылала меня за батоном белого хлеба...

— А как она одевалась?

— Одевалась она ужасно, как нищенка, куталась в старое пальто с чужого плеча. Ей все это было не нужно — она была выше того, чтобы следить за модой. Исключение случилось однажды — в свои 97 лет она поехала в Амстердам представлять Россию на феминистской женской книжной ярмарке. По этому случаю ее приодели в роскошный костюм. Она еще потом хвасталась, что на высоте 3 тысяч метров на борту «боинга» пила шампанское! Я узнал, когда она прилетает, и вызвал программу «Вести», чтобы обессмертить этот момент. До этого с ее участием шли документальные фильмы, и ею заинтересовались. Приехала съемочная группа, наставили на нее объектив, начали расспрашивать. Она им все рассказывает, на все вопросы отвечает. А напоследок они спрашивают: «Как вы считаете, чего не хватает современной литературе?» Знаете, что она ответила? «Современной литературе не хватает таланта!»

Мы никогда не работали с утра, потому что она терпеть не могла ранних вставаний, да и я тоже. А работали мы много, выпускали книги, статьи для журналов. Уходил я очень поздно, в двенадцать ночи. И пока шел до метро, пока оно везло меня до дома, она все это время стояла перед иконами и молила Бога, чтобы я благополучно добрался. А потом раздавался звонок: «Стасенька, вы дома? Я за вас молилась». Она даже написала обо мне очерк «Ночное эссе». Смысл его в том, что во мне якобы есть вневозрастные нотки. То есть она со мной себя чувствовала, как с человеком своего поколения. Какое-то время даже была мною увлечена. Я тогда был молод и симпатичен, а она всегда была человеком увлекающимся. Но об этом нельзя говорить серьезно, потому что между нами огромная разница в возрасте. Как-то особенно она относилась ко мне в самом начале. Даже свои книги мне подписывала: «С любовью». Но потом это кончилось и переросло в дружбу.

— Много ли поклонников у нее было?

— В молодости — да. Первый брак ее был неудачен: с мужем она жутко намучилась —

это был ужасный эгоист и пьяница, несмотря на то, что ему было всего 19 лет, как и ей. Второй ее муж, **Маврикий Минц**, был евреем, инженером. Там уж она его мучила, влюбившись в царского офицера **Миронова**. Это была такая любовь! Минц хотел отравить и ее, и их ребенка, но преодолел себя. Как к мужчине она к нему так и не вернулась, но они остались в хороших отношениях. Вскоре он умер, а после — и ребенок от него. Она считала, что это ей кара.

У Анастасии Ивановны есть автобиографический роман, в котором она описывает период до обета безбрачия, когда у нее было очень много любовников, — в части, которая называется «Эх, эх, без креста!» Некоторые сцены оттуда нам пришлось исключить, их было слишком много. Однажды она привязалась к сумасшедшему поэту — клиническому шизофренику **Валерию Исаянцу**. Но это была не любовь. Я даже не хотел публиковать повесть, которую Анастасия Ивановна о нем написала, она показалась мне неинтересной.

Был у нее крымчанин **Георгий Цапок**. Когда начался голод, он ее бросил. Она про него говорила: «Очень хитрый был человек. Знал, что бросит». И книгу под названием «L`eau» (что с французского переводится как «вода»), которую они вместе с ним написали, попросил подписать: «Георгию Цапоку — навсегда». Чтобы не забрала. Они с сыном от первого брака еле выжили в том голоде. Так голодали, что у нее на теле начались нарывы. Им помогла выжить американская благотворительная организация АРА.

По словам Анастасии Ивановны, «последнее земное очарование» было у нее в 70 лет. К тому времени она уже дала обет безбрачия. Это было настоящее чувство к переводчику **Шадрину**, ее ровеснику, тоже отсидевшему, как и она.

— Была ли она одиноким человеком?

— Это было не одиночество, а более сложное чувство. Она намеренно культивировала одиночество. Не хотела, чтобы сын жил с ней, ни тем более невестка. Любила говорить мне: «Холодок в сердце. Знаете ли вы его?» И еще была у нее такая фраза: «И долгий взгляд из-под усталых век». Она очень многим изменяла судьбы, приводила к вере. При этом не была фанатичной христианкой. Очень много советовалась с Библией. Если ей нужен был совет, она не глядя открывала том Библии, кидала туда бумажку, а потом открывала на этой странице и читала — так она гадала. А если ей надо было идти куда-нибудь, то она наперед, по нумерологии знала, какой будет результат, высчитав номер дома и квартиры.

— А как складывались ее отношения с Мариной Цветаевой?

— У них была некая сиамская близнецовость. До революции Марина читала свои стихи не одна, а с сестрой. У них были совершенно одинаковые голоса, и если в соседней комнате читала одна из сестер, никто не мог сказать, кто это — Марина или Анастасия.

Однажды Анастасия Ивановна говорит: «Мне приснился во сне розовый вереск». А Марина Ивановна отвечает: «Не может быть! Это я сегодня во сне видела розовый вереск». А мама их вообще была ясновидящей: когда она заводила часы, которые раньше носили на шее, как кулон, а не на руке, то никогда не смотрела на стрелки — она смотрела в потолок и никогда не ошибалась, который час.

Анастасию Ивановну боялись даже энкавэдэшники. Марину Цветаеву они били, а ее не трогали. Она говорила: «Без воли Божией ни один волос с моей головы не упадет».

Вот сидят напротив нее трое следователей. Один говорит: «Она витает в облаках!» Второй говорит: «Мы ее спустим на землю». Третий говорит: «Мы ее спустим под землю!» А она смотрит на них и отвечает: «А там, голубчики, вы от меня никуда не денетесь!»

Она познакомила меня с **Арсением Тарковским**, который тоже ее боялся в свое время. Это известная история: во время книжной ярмарки в Клубе писателей весной 1941 года Тарковский, будучи любовником Марины Цветаевой, пришел с женой. И при всех умудрился не поздороваться с Мариной Ивановной. Представляете? Не поздороваться с Мариной Цветаевой! Она сразу же вычеркнула его из своей жизни. А когда было 70-летие Цветаевой, Анастасия вдруг видит в толпе Арсения Тарковского. Он стоит, подбоченясь, и говорит: «Что это позволяет себе Эренбург? Он утверждает, что мы ничего не сделали для Марины Цветаевой. Мы все для нее сделали!» И тут из-под руки слышит голос Анастасии: «Уж если кто в свое время и обидел Марину, так это вы!» Она могла очень резко поступить с человеком.

— Как выглядела ваша служба секретарем с финансовой точки зрения?

— Сначала, до 1988 года, помогал ей я, а не она мне. Приносил ей полусинтетические парниковые огурцы и очень вкусные сухари, которые тогда продавались. Мяса она не ела. Потом, когда наступило горбачевское время, и стало трудно с продуктами, она стала сама мне платить по 100 рублей в месяц. И я устроился к ней секретарем уже официально.

— Вы когда-нибудь раньше бывали у нас в Оренбурге?

— Нет, но мой отец, известный тенор и народный артист Армении **Артур Айдинян** бывал здесь с гастролями. Это было в начале 1960-х. Отец потерял зрение во время своей подпольной работы в Греции — он был греческим армянином, родился в Салониках. В 1956 году вышел цветной музыкальный фильм, где он играет самого себя — слепого певца, который приезжает в СССР из Греции, со своей родины, и некая профессорша возвращает ему зрение. На самом деле частично вернул ему зрение академик **Филатов**. Это был его друг, старый дореволюционный врач, который не побоялся сделать операцию **Сталину**. В случае чего можно было сразу оказаться в подвалах НКВД, но он провел очень удачную операцию. Сталин был доволен и сказал: «Проси чего хочешь!» Тогда Владимир Петрович говорит: «Хочу институт — хочу развивать науку». Тот говорит: «Будет тебе институт, но у меня нет земли для тебя в Одессе». А Филатов отвечает: «Нет проблем — там на Французском бульваре мне принадлежат участки под дачи». А дачи до революции — это было нечто огромное! Сталин подписал все бумаги. И у Филатова появился институт его имени уже при жизни.

— Сын знаменитого певца, какую музыку вы предпочитаете?

— Как и Анастасия Цветаева, я слушаю только старинные романсы, причем только в довоенном исполнении — **Тамары Церетели, Вари Паниной**. Но не она привила мне этот вкус — я с детства наслушался музыки такой высоты! У нас запросто дома бывал **Ростропович**. Однажды я обиделся на **Арама Хачатуряна**. Он встретился с отцом на вокзале, а я стоял в обнимку с плюшевым мишкой. И Хачатурян сказал: «Ой, какая красивая девочка!» А я ему говорю: «Вы что, не видите, что это не кукла, а медведь! А я — мальчик!»

— Какое впечатление произвел на вас Оренбург?

— Очень красивый город, чистые улицы. Что касается оренбургской поэзии, то,

к сожалению, я ее услышал мало. И вообще, предпочитаю читать с листа: стихи, которые хорошо читаются со сцены, — скорее исключение. Но из того, что услышал, отмечу стихи **Виталия Молчанова**. Думаю, это тот случай, когда бог человеку дал талант. Есть удачные стихи у **Сергея Ушакова**. Да и сама идея фестиваля «Красная гора», принадлежащая Виталию Митрофановичу, — очень удачная. Я бы советовал Оренбургу поддержать ее.

Станислав Артурович преподнес полный комплект номеров журнала «Южное сияние» директору областной библиотеки имени Крупской Людмиле Сковородко
Фото Вячеслава Викторова

интервью ● писатели ● фестивали

- Опубликовано на сайте 23 мая 2013 г.
- Опубликовано в газете "Оренбургская неделя" № 22
  29 мая 2013 г.